

Н.С. Ларьков

ИЗ КАПИТАНОВ В ГЕНЕРАЛЫ ЗА СТО ДНЕЙ («ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД» А.Н. ПЕПЕЛЯЕВА)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области
(проект № 16-11-70004»а(р)).*

Исследуется боевая деятельность уроженца г. Томска Анатолия Николаевича Пепеляева летом – в начале осени 1918 г., когда он во главе Средне-Сибирского корпуса армии Временного Сибирского правительства осуществил победоносный поход от Томска и Новониколаевска до Забайкалья. Во время этого наступления на большей части территории Сибири были разгромлены красногвардейские и красноармейские формирования и ликвидирована советская власть. По итогам этого похода А.Н. Пепеляев был произведён в генерал-лейтенанты, став одним из самых молодых генералов периода Гражданской войны в России.

Ключевые слова: генерал А.Н. Пепеляев; Томск; Сибирь; Гражданская война; 1918 год.

Гражданская война в России для всех воюющих сторон была временем не только суровых испытаний, но и открывала возможности для головокружительной карьеры. Вчерашние поручики и капитаны становились командирами дивизий, корпусов, командующими армиями; недавние унтер-офицеры – вожаками многотысячных импровизированных партизанских формирований. В этих условиях всего сто дней потребовалось капитану, участнику Первой мировой войны, георгиевскому кавалеру А.Н. Пепеляеву, чтобы получить чин генерал-майора.

В последнее время биография одного из самых молодых генералов периода Гражданской войны в России стала привлекать внимание не только историков, ограничивающихся, впрочем, небольшими биографическими справками и очерками (Е.В. Волков, Н.Д. Егоров, И.В. Купцов, С.П. Звягин, Е.А. Дегальцева, А.А. Петрушин и др.), но также журналистов и писателей (Л.А. Юзефович, В.И. Привалихин, А.И. Кобелев и др.). Однако многие этапы жизненного пути А.Н. Пепеляева, в том числе относящиеся к его стремительному карьерному взлёту, остаются малоизученными. К их числу относится период с конца мая до сентября 1918 г., положивший начало широкомащтабной Гражданской войне в России, в рамках которого состоялся успешный «Восточный поход» молодого офицера во главе Средне-Сибирского корпуса от Томска до Забайкалья. Отдельные штрихи к биографии А.Н. Пепеляева этого периода содержатся, пожалуй, лишь в монографии новосибирского историка Д.Г. Симонова, посвящённой истории Белой Сибирской армии [1].

В предлагаемой статье на основе преимущественно архивных документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, прослеживаются боевой путь будущего генерала в летние месяцы 1918 г., а также начало приобщения его к решению политических вопросов смутного времени.

Капитан Анатолий Пепеляев, вернувшийся с фронта в результате слома Русской армии пришедшими к власти большевиками в январе 1918 г. в Томск, почти сразу же стал одним из руководителей местного антисоветского вооружённого подполья. Будучи начальником штаба нелегальной организации, он принял активное участие в изгнании из Томска

большевиков в конце мая 1918 г. и установлении власти Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. На третий день после свершившегося переворота, 2 июня, он принял командование сформировавшейся Томской дивизией. На командные должности были назначены участники подполья, многие его бывшие сослуживцы, соратники по 42-му Сибирскому стрелковому полку Русской армии, в том числе командирами полков – штабс-капитан Н.Ф. Шнапперман, полковник А.Г. Укке-Уговец. Спустя всего лишь полторы недели А.Н. Пепеляев становится командиром формируемого Средне-Сибирского корпуса в составе Западно-Сибирской (позднее – Сибирской) армии (командующий полковник А.Н. Гришин-Алмазов) [1. С. 97, 189; 2. Л. 53–54].

Во всех публикациях исследователей этого периода речь идёт об А.Н. Пепеляеве как о подполковнике. Между тем формально тогда он был всего лишь капитаном. Документы о представлении его к чину подполковника действительно были направлены осенью 1917 г. в Главный штаб Русской армии, однако приказа о соответствующем производстве А.Н. Пепеляев не получал. По его словам, будто бы в середине октября 1917 г. до него дошло «частное сообщение» о производстве в подполковники. Однако было ли «отдано или нет производство это в приказ по армии и флоту, я не знаю», – признавался А.Н. Пепеляев в письме А.Н. Гришину-Алмазову в июле 1918 г. [3. Л. 18, 77 об.]. В рядах томского подполья он фигурировал в чине капитана [4. Л. 1]. Тем не менее уже первые приказы по гарнизону г. Томска в начале июня 1918 г. издавались за подписью «подполковника Пепеляева» [5. 2 июня], однако никаких документальных подтверждений о производстве его в подполковники в рядах сибирских вооружённых сил не обнаружено. В упомянутом письме А.Н. Гришину-Алмазову А.Н. Пепеляев писал, что хотя он и считает себя теперь подполковником, однако, «в случае отсутствия моего производства в приказе [Временное Сибирское] Правительство могло [бы] утвердить меня в этом заслуженном мною чине, тем более, что я о дальнейшем производстве и не мечтал» [3. Л. 77 об.].

Всю первую половину июня новоиспечённый командир дивизии, а затем корпуса в спешном порядке

занимался формированием частей и одновременно подавлением очагов сопротивления на территории Томской и Алтайской губерний. После первых сражений на территории Западной Сибири, в целом удачных, но одновременно и довольно сумбурных, 18 июня 1918 г. была издана первая директива командарма А.Н. Гришина-Алмазова, вносившая планомерность в осуществление дальнейших операций. В соответствии с этой директивой пепеляевский корпус должен был очистить от советских вооружённых формирований районы южнее Барнаула до китайской границы и к востоку от Мариинска вдоль Транссибирской магистрали до Иркутска. При этом приказывалось «держаться образа действия исключительно активного» [5. Л. 105; 6. С. 20–21]. К тому времени корпус насчитывал 2 403 бойца при 7 орудиях и 12 пулемётах [1. С. 284].

Между тем наступление в восточном направлении, куда были выдвинуты основные силы Средне-Сибирского корпуса, началось ещё накануне издания директивы, в ночь на 16 июня. Сосредоточившаяся в Мариинске ударная группа чехословаков (до 400 штыков) и пепеляевцев (1-й и 2-й Томские полки численностью 447 штыков, 28 сабель при 2 орудиях) наголову разгромила Мариинский отряд красных, насчитывавший около 1,5 тыс. человек. Были захвачены 2 орудия, 15 пулемётов, несколько сот винтовок, а также 475 пленных. Продолжая энергичное наступление по линии Транссибирской железнодорожной магистрали, чехо-белые 19 июня заняли г. Ачинск и уже на следующий день, 20 июня, вошли в Красноярск, административный центр обширной Енисейской губернии, где сутками ранее советская власть была свергнута силами местного вооружённого подполья [1. С. 284; 7. С. 130].

Красноярские советские работники в сопровождении отряда интернационалистов, захватив с собой около полутонны золота, эвакуировались на пароходах вниз по Енисею, но были настигнуты в устье реки Нижней Тунгуски посланным в погоню отрядом под командованием полковника М.И. Мальчевского. Из числа беглецов свыше 100 чел. преследователями были убиты, 264 чел. (по другим данным – 238) захвачены в плен [8. С. 211; 9. С. 130–136]. А.Н. Гришин-Алмазов, получив информацию об организации преследования этого советского отряда, сделал серьёзное внушение А.Н. Пепеляеву, нарушившему директиву командарма: «Командиру Средне-Сибирского корпуса приказано действовать, не разбрасывая сил. Если армия задастся целью преследовать всех бегущих красноармейцев, то главной задачи она не в состоянии будет выполнить. Это – азбука военного дела» (цит. по: [10. С. 140]).

Однако этот окрик со стороны А.Н. Гришина-Алмазова вряд ли можно признать справедливым в той конкретной оперативной ситуации. Во-первых, отряд М.И. Мальчевского практически не ослабил наступавшие силы пепеляевского корпуса, поскольку насчитывал всего лишь около 100 чел., сумев при этом разгромить численно превосходившего в несколько раз противника. Во-вторых, у бежавших советских работников в резуль-

тате успешного преследования удалось отбить значительное количество оружия и боеприпасов (около 400 винтовок, 9 пулемётов), а также несколько пароходов и всё золото [9. С. 135].

В освобождённом Красноярске А.Н. Пепеляев немедленно инициировал формирование из числа офицеров и добровольцев нового полка, получившего наименование 1-го Енисейского стрелкового. Его командиром был назначен полковник Б.М. Зиневич. Не надеясь только на приток добровольцев, в городе была объявлена мобилизация «интеллигентной молодёжи» в возрасте от 18 до 25 лет. По сообщениям печати, такая мобилизация прошла в четыре дня [11. Л. 42; 12. 25 июля].

Будучи в Красноярске, А.Н. Пепеляев на другой же день, 21 июня, издал приказ № 3 по Средне-Сибирскому корпусу, где предписывал «командирам отдельных частей занести фамилии всех состоящих на службе в частях в особые книги, дабы знать всем нам и нашим потомкам имена тех, кто интересы родины ценит выше своих, кто готов жизнь отдать на благо и счастье родины» [13. 29 июня]. 29 июня 1918 г. он направил в штаб армии ходатайство о необходимости введения в Сибирской армии наград за боевые отличия. Специальная комиссия, созданная по распоряжению командарма, фактически поддержала инициативу А.Н. Пепеляева, приняв решение об учреждении особой «Почётной книги», в которую предлагалось заносить имена и подвиги лиц, особо отличившихся в боях и в деле воссоздания армии и государства. Такого рода книги надлежало вести в штабах корпусов и одновременно сообщать о подвигах в приказах. Кроме того, наградой за боевые отличия становились чины и назначения на более высокие должности [14. С. 181–183]. Одновременно А.Н. Пепеляев приказал «начальникам гарнизонов арестовать и предать военно-полевому суду всех, кто... уклоняется от обязательной явки в ряды Сибирской армии» [13. 29 июня].

Стремясь привлечь на свою сторону сибирское крестьянство, А.Н. Пепеляев и начальник штаба корпуса капитан К.Л. Кононов обратились со специальным воззванием «К населению деревни», которое большим тиражом в виде листовки было отпечатано в Енисейской губернской типографии. «Более восьми месяцев несли вы большевистское иго немецких наместников, целью которых является гибель России, – говорилось в воззвании. – С Божьей помощью большевистская власть свергнута, бегут их разбитые банды, бегут в деревни и леса, спасаясь от заслуженной кары, но и убегая, они стараются причинить как можно более зла народу...». А.Н. Пепеляев призывал крестьян «становиться на борьбу с коварными врагами», создавать дружины, задерживать разбежавшихся преступников-большевиков [15. С. 115].

В условиях разгоравшейся войны, когда органы гражданской власти находились в стадии становления и реально на освобождавшейся от советов территории доминировали военные, А.Н. Пепеляев старался не допускать потенциальных конфликтов и трений между военной и гражданской властью. В частности, из только что освобождённого Тулуна он отправил 29 июня 1918 г. всем начальникам, командирам гар-

низонов, комендантам городов, станций по линии Нижнеудинск – Красноярск – Барабинск телеграмму, в которой говорилось: «Приказываю категорически не вмешиваться в порядок гражданского управления, предоставляя этот последний комиссарам Сибирского временного правительства и местным самоуправлениям» [16. Л. 179]. А.Н. Пепеляеву порой приходилось лично заниматься урегулированием взаимоотношений между военными и гражданскими структурами. Так, в Нижнеудинске в результате антисоветского переворота, совершённого ещё 28 мая 1918 г., почти одновременно были созданы два органа власти – Комитет общественных организаций и военный комитет из командного состава местной вооружённой организации во главе с бывшим членом Государственной думы И.Н. Маньковым. «Постепенно военный комитет стал забирать власть в свои руки, установилась военная диктатура Манькова», – сообщал об этом уполномоченный Н.В. Фомин в телеграмме от 30 июня 1918 г. С прибытием в Нижнеудинск А.Н. Пепеляева военный комитет был распущен, власть перешла к Комитету общественных организаций и восстановленному городскому и земскому самоуправлению [17. Л. 91].

Тем временем в Омске произошло важное политическое событие – 30 июня 1918 г. власть перешла от Западно-Сибирского комиссариата непосредственно к Временному Сибирскому правительству во главе с П.В. Вологодским. Командарм А.Н. Гришин-Алмазов стал одновременно управляющим военным министерством.

После перегруппировки сил чехословацкие части и полки Средне-Сибирского корпуса продолжили наступление в направлении Иркутска, где располагался высший орган советской власти в Сибири – Центросибирь – и были сосредоточены главные силы сибирской Красной армии и Красной гвардии. В результате ряда успешно проведённых операций в первых числах июля последовательно были заняты станции Зима, Тыреть, Забитуй и 4 июля чехо-белые вышли к станции Черемхово (128 километров западнее Иркутска). Затем двумя колоннами они начали наступление на Иркутск. Одна из колонн под командованием подполковников Я.Н. Перчука и Б.Ф. Ушакова численностью 600 чел. наносила лобовой удар по линии железной дороги. Другая, во главе с А.Н. Пепеляевым, численностью 800 чел. наступала по тракту для выхода в тыл советских войск. 11 июля 1918 г. она вступила в Иркутск, оставленный красными почти без боя [1. С. 287–289].

Иркутянин – очевидец тех событий писал: «Через город проходят чехословацкие эшелоны и белогвардейские полки. Прошли полки томский и барнаульский... Состав полков самый пёстрый: студенты-технологи, офицеры, юнкера, гимназисты, реалисты, отставные чиновники, учителя и вообще сплошь интеллигенция. Народ безмолвствует. Народ отсутствует. Интеллигенция спасает последние куски истерзанной Руси, которые ещё не успели сломать самодержавные комиссары. Среди офицеров много георгиевских кавалеров, есть и седые старики, поседевшие, быть может, в боях, а быть может, и от тех нравственных пыток, которые им пришлось пережить. Рядом с

седым офицером юный кадет или гимназист не более 16 лет. У всех винтовки...» (цит. по: [18. С. 73]). В числе кадетов в составе Средне-Сибирского корпуса был и семнадцатилетний младший брат А.Н. Пепеляева Логгин, получивший в этом походе увечье при столкновении паровозов [19].

Спустя несколько дней фронтальная группа чехословацких 15 июля предприняла наступление по железной дороге к востоку от Иркутска, вышла к Байкалу и 20 июля 1918 г. с боем заняла станцию Слюдянка [20. С. 86].

За успешные боевые действия А.Н. Пепеляев приказом по Сибирской армии от 2 июля 1918 г. был произведён в полковники. В телеграмме товарища (заместителя) министра внутренних дел от 16 июля 1918 г., направленной А.Н. Пепеляеву, сообщалось: «По поручению Временного Сибирского правительства уведомляю Вас, что Вы за отличие в делах и за взятие Иркутска произведены в полковники, считаю для себя приятным долгом сообщить эту радостную весть» [21. Л. 2].

Получив телеграмму, А.Н. Пепеляев написал большое личное письмо А.Н. Гришину-Алмазову, в котором выразил удивление по поводу своего производства в полковники: «Я и в мыслях не имел о награде себе, тем более такой, как производство. Позволю себе доложить Вам, что в дальнейшем я не жду никаких наград для себя (работа моя, боюсь, и так награждена слишком), единственным моим желанием является победа над большевиками, восстановление былой славы родной армии и полное восстановление мощи нашей великой, но обессиленной Родины – этой идее я бескорыстно буду служить, докуда хватит моих сил. Или смерть или победа» [3. Л. 78 об.].

К моменту захвата Иркутска, 12 июля 1918 г., в Средне-Сибирском корпусе насчитывалось 247 чел. командного состава, 2 985 штыков, 169 сабель, 388 чел. не вооружённых, 214 артиллеристов. На вооружении имелось 39 пулемётов, 7 бомбомётов, 6 тяжёлых и 2 лёгких орудия [22. Л. 132].

Во время своего пребывания в Иркутске А.Н. Пепеляев 20 июля 1918 г. осуществил реорганизацию Средне-Сибирского корпуса, сведя все его полки в две дивизии. В состав 1-й Сибирской стрелковой дивизии вошли 1-, 2-, 3- и 4-й Томские полки. Начальником дивизии был назначен полковник Е.К. Вишневский. Обязанности начальника штаба дивизии первое время исполнял поручик Н.А. Крепкогорский, затем – ротмистр Б.Ф. Овчинников и штабс-капитан И.М. Штальберг. В состав 2-й Сибирской стрелковой дивизии вошли 1-й и 2-й Новониколаевские, 1-й Барнаульский и 1-й Енисейский полки. Её начальником стал полковник Б.М. Зиневич. Штаб дивизии первоначально возглавил подполковник А.К. Поротов, затем его сменил капитан Д.П. Турбин [1. С. 190].

В самый разгар своего «Восточного похода» А.Н. Пепеляев получил, что называется, удар в спину. Стремительный взлёт, боевые успехи молодого командира корпуса вызвали зависть кое у кого из офицеров. На стол военного министра Временного Сибирского правительства А.Н. Гришина-Алмазова, ставшего к тому времени уже генерал-майором, легли

доносы на А.Н. Пепеляева, в том числе и от соратника по томскому подполью полковника Н.Н. Сумарокова, оказавшегося в опале из-за своих монархических взглядов. Из Красноярска в Омск к А.Н. Гришину-Алмазову выехал полковник Зверев, обеспокоенный «тенденцией полковника Пепеляева раскассировать штабы, работавшие ещё в подполье» [23. Л. 20]. Появились намёки на то, что якобы А.Н. Пепеляев нелоялен к Сибирскому правительству, стремится к созданию некой «Партии военной диктатуры».

Масла в огонь подлил эсер П.Я. Михайлов, командированный в первой половине июля 1918 г. Временным Сибирским правительством в качестве уполномоченного в распоряжение Средне-Сибирского корпуса. Прибыв в штаб корпуса и собрав информацию о состоянии его частей, П.Я. Михайлов 12 июля направил А.Н. Гришину-Алмазову личное письмо, в котором старался уверить командарма, что дела здесь «идут чрезвычайно нехорошо, и необходимо принимать самые решительные меры», что «фронт этот в предательских руках». Виновным в сложившейся обстановке, по мнению П.Я. Михайлова, являлся командир корпуса А.Н. Пепеляев, якобы устранивший назначенцев А.Н. Гришина-Алмазова и «раскассировавший» созданные им организации. А.Н. Пепеляев обвинялся также в установлении связей с атаманом Г.М. Семеновым и Дальневосточным комитетом защиты Родины и Учредительного собрания во главе с генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом [10. С. 160–161], провозгласившим себя 8 июля 1918 г. в Харбине Временным правителем и возглавившим «Деловой кабинет министров», претендовавший на всероссийскую власть.

Одновременно П.Я. Михайлов направил пространный конфиденциальный доклад в Совет министров Временного Сибирского правительства, в котором также отмечал, что собранные им сведения о правительственных войсках восточного района «должны навести на глубокие размышления, что офицерский состав здесь недоволен высшим командным составом, состоящим из «малоизвестных лиц, тогда как имеется много боевых офицеров с крупными уважаемыми именами», что «правая часть офицерства ведёт откровенно монархическую пропаганду, стараясь дискредитировать и возбудить недовольство правительством». «Зная полковника Пепеляева за прямого человека, – продолжал П.Я. Михайлов, – я задал ему вполне определённые и прямые вопросы, на которые он ответил, что он верный слуга Сибирского правительства, но за корпус не ручается, с Семеновым корпус сражаться не пойдёт. По мнению полковника Пепеляева, его корпус нужно перебросить на запад и заменить новым» [20; 23. Л. 18 об.].

А.Н. Гришин-Алмазов вынужден был в личном письме, адресованном А.Н. Пепеляеву, сообщить о плетущихся вокруг его имени интригах: «Люди, которым, по-видимому, выгодно посеять смуту и взаимное недоверие в нашей офицерской семье и, между прочим, между высшими начальствующими лицами, уже долгое время стремятся убедить меня, что Вы стоите во главе “партии военной диктатуры”, что вы определённо сносите с Дальневосточным комитетом и т.д. и т.д.» (цит. по: [10. С. 160]).

Оказавшись в состоянии непростого выбора между А.Н. Пепеляевым и его недругами, среди которых оказался соратник А.Н. Гришина-Алмазова по антибольшевистскому подполью П.Я. Михайлов, командарм встал на сторону командира корпуса. В упомянутом письме А.Н. Гришин-Алмазов особо подчеркнул: «Раз [и] навсегда, чтобы не было между нами никаких недоразумений, я заявляю Вам, также как и Вашим врагам, честно и открыто: я верю Вашему офицерскому честному слову служить верой и правдой Временному Сибирскому правительству, я ценю Вас как храброго и умелого боевого начальника, и в смысле политическом Вы также пользовались и ныне пользуетесь моим *полным доверием*» (цит. по: [10. С. 160]).

Возмущённый интригами, А.Н. Пепеляев в ответном письме А.Н. Гришину-Алмазову от 29 июля 1918 г. заверял командарма: «Я даю Вам слово человека, ценящего это слово выше жизни, что ни в какой партии и организации (кроме тайной организации г. Томска, которую сам организовал в январе 1918 г.) я не состоял и не состою... Ещё раз считаю долгом Вам доложить, что никаких интриг я не боюсь, ибо совесть моя чиста и потому ещё, что никогда я лицам не служил и не буду служить, я буду лишь служить своей великой, но измученной Родине, и цель моей жизни – хотя немного принести пользы в деле воссоздания былой мощи нашей армии на славу и счастье всей России» [24. Л. 9].

Находясь в Иркутске, А.Н. Пепеляев вынужден был принять участие в разрешении возникшего политико-дипломатического вопроса. Дело в том, что сражавшиеся бок о бок с пепеляевским корпусом чехословацкие формирования под командованием полковника Р. Гайды формально представляли собой часть союзных войск в Первой мировой войне и были подчинены французскому командованию. А в Иркутске тогда находились французский генеральный консул Буржуа и американский генеральный консул Гаррис.

По инициативе Р. Гайды состоялись переговоры, продолжавшиеся целую ночь и утро, в которых участвовали оба консула, Р. Гайда с А.Н. Пепеляевым и уполномоченный Временного Сибирского правительства Н.В. Фомин. А.Н. Пепеляеву с Н.В. Фоминым в ультимативной форме были предъявлены на выбор три варианта: 1) передать командование фронтом полковнику Р. Гайде, подчинив ему Средне-Сибирский корпус; 2) Средне-Сибирскому корпусу остаться в Иркутске, а чехословакам дать возможность продвигаться далее на восток самостоятельно; 3) оставить чехословаков в Иркутске и, напротив, дальше на восток пробивать дорогу в сражениях с советскими войсками вплоть до Владивостока одному пепеляевскому корпусу. Как оказалось, авторство этих ультимативных вариантов принадлежало самому Р. Гайде. Н.В. Фомин и А.Н. Пепеляев дипломатично ответили, что они выступают за «объединение оперативными действиями», но решение этого вопроса находится в компетенции Временного Сибирского правительства. При этом А.Н. Пепеляев, по свидетельству Н.В. Фомина, в присутствии консулов «торжественно заявил, что он может силами своего корпуса очистить восток от неприятеля и уверен в успехе» [25. Л. 79]. Эти свои слова

А.Н. Пепеляев подтвердил в личном письме, направленном в те же дни А.Н. Гришину-Алмазову, в котором заявлял, что «русский корпус один разобьёт большевистские банды и один освободит Сибирь до Владивостока» [24. Л. 9].

После состоявшихся переговоров Н.В. Фомин немедленно связался по прямому проводу с премьер-министром Временного Сибирского правительства П.В. Вологодским и предложил создать должность командующего фронтом, назначив на неё полковника Р. Гайду. Н.В. Фомин при этом подчеркнул, что в противном случае чехословаки будут действовать сепаратно и в военной, и в гражданской сферах. Более того, по словам Н.В. Фомина, Р. Гайда в последние два дня в Иркутске «был недалёк от того, чтобы объявить о принятии гражданской власти в свои руки» [25. Л. 80], что означало бы прямое вмешательство во внутренние дела, входившие в компетенцию Временного Сибирского правительства.

Омское руководство, как видно из последующих событий, приняло предложение Н.В. Фомина. Для более эффективного оперативного управления объединёнными чехословацкими и белогвардейскими силами, сражавшимися на территории Восточной Сибири, 21 июля 1918 г. был образован штаб Восточного фронта. Главнокомандующим войсками фронта был назначен Р. Гайда, начальником штаба – подполковник Б.Ф. Ушаков (после его гибели – полковник Б.П. Богословский). Части Средне-Сибирского корпуса перешли в подчинение Р. Гайды, однако А.Н. Пепеляев остался командиром корпуса [1. С. 289; 20. С. 88].

Принятое Омском решение о подчинении А.Н. Пепеляева чешскому полковнику оставило, судя по всему, в его душе неприятный осадок. В письме А.Н. Гришину-Алмазову А.Н. Пепеляев выразил сожаление, что ему не было предоставлено необходимой самостоятельности и что в результате «приходится, кроме боевых дел, заниматься ещё и улаживанием различных конфликтов» [24. Л. 9]. К тому же Средне-Сибирский корпус являлся ядром наступавших частей Восточного фронта. Общая численность корпуса к началу августа 1918 г. составляла 5 978 чел. при 8 орудиях и 33 пулемётах, тогда как у чехословаков насчитывалось 3 350 чел. при 25 пулемётах и без орудий. Противостоящие им на территории Забайкалья силы красноармейцев и красногвардейцев составляли 7 150 чел. при 8 лёгких орудиях [26. Л. 4; 27. Л. 3; 28. Л. 99].

В пепеляевском корпусе в течение всего лета 1918 г. сохранялся наиболее высокий, по сравнению с другими частями Сибирской армии, процент офицеров. Сам А.Н. Пепеляев в августе 1918 г. отмечал, что его части состоят «почти исключительно из офицеров» [24. Л. 10]. Действительно, из 3 294 бойцов корпуса, находившихся непосредственно на передовой, офицерами являлись 2 393 чел., или 72,6%. В некоторых частях, по моим подсчётам, этот процент был ещё выше: в 1-м Томском стрелковом полку – 82,1%, в 3-м – 84,5% [29. Л. 37]. «Дисциплина в корпусе стоит хорошая, – докладывал А.Н. Пепеляев А.Н. Гришину-Алмазову, – но в этом направлении приходится класть массу труда и энергии» [24. Л. 9].

Назначение Р. Гайды главнокомандующим войсками Восточного фронта при том, что главной ударной силой являлись части Средне-Сибирского корпуса, было шагом политическим, обусловленным в том числе и признанием со стороны Временного Сибирского правительства заслуг чехословацких легионеров в деле борьбы с советской властью. В этих условиях А.Н. Пепеляев оказался вынужденным выстраивать соответствующие взаимоотношения с новоиспечённым главкомом, к которому относился на первых порах крайне настороженно. Свидетельство тому – телеграмма, направленная А.Н. Пепеляевым в самый канун создания Восточного фронта, 19 июля, из Иркутска в Омск А.Н. Гришину-Алмазову, в которой он «категорически заявлял», что «полковнику Гайде в смысле преданности Временному Сибирскому правительству верить нельзя» [24. Л. 6]. Однако после состоявшегося назначения Р. Гайды командующим фронтом в очередном письме командарму от 29 июля 1918 г. А.Н. Пепеляев уже выражал сожаление в связи с предыдущей категоричной своей оценкой, добавив: «Думаю, что из правительства не нравятся ему (Р. Гайде. – *Н.Л.*) отдельные лица». В этом же письме А.Н. Пепеляев признавался: «Что касается полковника Гайды, скажу откровенно: я до сих пор не могу разгадать этого человека. Как солдат и начальник, он внушает мне уважение. Как человек, он неискренний и часто не исполняет своих слов и вообще не постоянен». Вместе с тем А.Н. Пепеляев заверил командарма, что он не допустит каких-либо конфликтов с Р. Гайдой [Там же. Л. 9]. Однако «маленькие недоразумения с полковником Гайдой», по признанию А.Н. Пепеляева, иногда всё же происходили [Там же. Л. 10]. Как отмечал уполномоченный Временного Сибирского правительства П.Я. Михайлов, побывавший в июле 1918 г. в расположении Средне-Сибирского корпуса, Р. Гайда на первых порах «с Пепеляевым совершенно не считался и только впоследствии объективные внешние условия заставили его войти в определённое отношение с ним. Полковник Гайда человек хитрый и ненадёжный» [23. Л. 20 об.]. В полной мере отмеченные «хитрость и ненадёжность» этого чешского офицера проявились только в следующем, 1919 г.

Перед решающими боями на Восточном фронте А.Н. Пепеляев предпринял ряд мер с целью пополнения своего корпуса. 28 июля он издал приказ, в котором констатировалось: «В то время, как лучшая часть офицерства потом и кровью зарабатывает счастье измученной Родины, находятся офицеры, которые наводняют тыловые штабы и попросту просиживают по многочисленным городам освобождённой Сибири». Далее предписывалось «начальникам всех гарнизонов всех офицеров отправить немедленно на фронт, штабы расформировать, оставив одного адъютанта» (цит. по: [20. С. 88]). Таким образом, опираясь на поддержку командарма, А.Н. Пепеляев продолжил «раскассирование» тыловых штабов, несмотря на доносы своих недругов. В первой половине августа 1918 г. в Иркутске, по примеру Красноярска, также была объявлена мобилизация «интеллигентной молодёжи» в возрасте от 18 до 25 лет [30. 16 авг.; 31. С. 338].

2 августа А.Н. Гришин-Алмазов направил всем командирам корпусов, в том числе А.Н. Пепеляеву, приказ, в котором указывалось, что в борьбе с врагами «каждый начальник должен быть настойчив и беспощаден, проявляя необходимую инициативу и не боясь ответственности за превышение власти». «Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково хороши и законны и что победителя вообще не осудят ни любящие родную землю современники, ни благоумные потомки» [28. Л. 81].

В борьбе за Кругобайкальскую железную дорогу и Забайкалье чехо-белые встретились с упорным сопротивлением советских войск и были вынуждены произвести перегруппировку своих сил, в результате которой руководство всеми русскими и чехословацкими частями на ст. Слюдянка и восточнее неё было возложено на полковника А.Н. Пепеляева. Последний, в свою очередь, разделил 1 августа подчинённые ему части на две группы – боевой участок (1 680 штыков, 200 сабель при 18 пулемётах и 8 орудиях во главе с полковником Е.К. Вишневым) и резерв (1 900 штыков под командованием капитана Э. Кадлеца) [27. Л. 3]. Таким образом, пепеляевские части на заключительном этапе «Восточного похода» выступили главной ударной силой в сражениях с советскими вооружёнными формированиями.

Особенно упорными и кровопролитными выдались бои в районе ст. Мурино, в которых А.Н. Пепеляев принимал самое непосредственное участие. Разработанный им совместно с Р. Гайдой план привёл к окружению и полному разгрому крупной группировки красных, потерявших около 700 чел. убитыми и 2,5 тыс. пленными. Были захвачены 2 бронепоезда, 4 артиллерийских орудия, 17 пулемётов, 7 паровозов, вспомогательный, продовольственный и санитарный поезда, несколько порожних составов. Эти трофеи были весьма кстати, так как боевые операции велись всё время вдоль железнодорожной магистрали [1. С. 293–294; 32. С. 65].

В письме А.Н. Гришину-Алмазову со станции Слюдянка 19 августа 1918 г. А.Н. Пепеляев отмечал «высокую доблесть и мужество, проявленные войсками во время операции в районе ст. Мурино – Утулик 3–6 августа 1918 г.» и с гордостью подчёркивал: «Это первая большая победа русских и чешских войск на Востоке. Она вызвала огромный подъём энтузиазма во вверенных мне войсках, так как им принадлежит главная часть победы». Однако и для пепеляевцев эта победа досталась дорогой ценой. В Средне-Сибирском корпусе потери составили 70 чел. убитыми и 200 ранеными. Войска «постепенно тают, уже много потерь, много больных», – констатировал А.Н. Пепеляев и советовал А.Н. Гришину-Алмазову ускорить проведение мобилизации [24. Л. 10].

Надо заметить, что разгоравшаяся на просторах Сибири Гражданская война сопровождалась эскалацией жестокости с обеих сторон. В частности, белые практически не брали в плен так называемых интернационалистов – бывших военнопленных мировой войны венгров, немцев, австрийцев, добровольно

вступивших в Красную гвардию и Красную армию. В свою очередь, красные убивали, нередко с особой жестокостью, попадавших к ним в плен офицеров. Так, 27 июня в Нижнеудинск были доставлены 9 изуродованных трупов большевистских жертв, которые затем были отправлены в Томск для составления актов в присутствии иностранцев [20. С. 76]. До неузнаваемости было обезображено тело начальника штаба Восточного фронта полковника Б.Ф. Ушакова, попавшего в руки красноармейцев 17 августа 1918 г.

Последняя крупная операция, закончившаяся разгромом советских войск в Забайкалье, была проведена чехо-белыми в период с 14 по 20 августа 1918 г. Фронтальная группа под командованием А.Н. Пепеляева в результате ожесточённого боя 18 августа захватила станцию Посольская, а 20 августа – г. Верхнеудинск. Остатки советских войск отступили в Читу, которую также были вынуждены оставить 26 августа в результате вспыхнувшего антисоветского восстания. Тем же вечером в освобождённый город вошёл передовой отряд, а на следующий день – и основные силы Восточного фронта, в том числе части Средне-Сибирского корпуса, один из командиров которого, генерал А.Г. Укке-Уговец, был назначен начальником Читинского гарнизона [1. С. 296, 298–299].

К моменту занятия Читы Средне-Сибирский корпус насчитывал 4 805 штыков, 623 сабли, 14 орудий и 52 пулемёта. 26 августа 1918 г. приказом А.Н. Гришина-Алмазова была проведена унификация номеров и названий корпусов, дивизий и полков Сибирской армии. В результате пепеляевский корпус стал именоваться 1-м Средне-Сибирским. Новую нумерацию получили обе его дивизии и все полки [Там же. С. 191–192, 196].

Близкая победа над вооружёнными формированиями сибирских советов укрепляла боевой дух офицеров и солдат. «Было бы непростительно не отметить того прекрасного бодрого боевого настроения, граничащего с горячим энтузиазмом среди молодёжи нашего полка, который царил во всех частях, – вспоминал впоследствии участник “Восточного похода” помощник командира Барнаульского полка А.И. Камбалин. – Опасная трудная десантная операция только зажигала зазор и страстное спортивное соревнование в каждом бойце, толкая его на подвиг и самопожертвование. Песням, шуткам и островам не было конца, всё делалось с полунамёка или часто по своей инициативе, вызывая только одобрение и похвалу начальства. Наши вчерашние реалисты, гимназисты и студенты, получив боевую закалку в предыдущих тяжёлых боях под Иркутском, у Култука, Слюдянки, Салзана и у ст. Мурино, являлись уже превосходными старыми солдатами. Об офицерском же составе рядовых не могу не вспомнить без чувства восхищения и преклонения... Измученные и нравственно, и физически, потерявшие всё дорогое и близкое, затравленные и униженные, обречённые на гибель, офицеры сражались как львы, зная, что пощады не будет» [32. С. 68–69].

А.Н. Пепеляев в эти напряжённые дни и недели кровопролитных боёв находился непосредственно среди бойцов своего корпуса, делил вместе с ними все трудности боевой обстановки. «В старой поношенной

шинели, которую он носил ещё с германской войны, в обыкновенной солдатской фуражке, сдвинутой набок, он походил на солдата, а не на ответственного начальника, в руках которого находились жизни этих людей, тёмными, молчаливыми рядами тянущихся за ним по шпалам...» – таким запомнился командир Средне-Сибирского корпуса своим соратникам в августовские дни 1918 г. [33. С. 52].

Офицеры и добровольцы чувствовали также и ощутимую поддержку со стороны тыла. В частности, торгово-промышленники Томска ещё в середине июля 1918 г. собрали и отправили бойцам Средне-Сибирского корпуса «гостинцы» – 20 пудов сыра, 20 пудов масла, несколько пудов колбасы, окороков и разных копчёностей. А месяцем ранее они же преподнесли в качестве подарка Сибирской армии 800 тыс. руб. для закупки 500 лошадей [5. 23 июня; 20 июля].

Заняв Читу, чехо-белые продолжили преследование остатков советских войск. В восточном направлении от станции Карымская наступление осуществлялось силами отряда полковника Е.К. Вишневого, в распоряжении которого находились 1-, 2- и 4-й Томские полки, 1-й батальон 7-го Татранского чешского полка и две сотни енисейских казаков. В юго-восточном направлении вдоль линии железной дороги на Маньчжурию действовал отряд под непосредственным командованием самого А.Н. Пепеляева в составе 3-го Томского, Барнаульского, Енисейского и 2-го Новониколаевского полков.

Спустя несколько дней у станции Оловянная пепеляевский отряд встретился с силами действовавшего в Забайкалье атамана Г.М. Семенова. В связи с этим событием 1 сентября 1918 г. был издан специальный приказ по войскам Восточного фронта, в котором объявлялось: «Разъединённые врагом, мы мужественно боролись с ним, наступая навстречу друг другу, и вот вчера, 31 августа, свершилась давно желанная встреча: на реке Ононе сибирские и чехословацкие войска соединились с войсками атамана Семенова и чехословаками, шедшими с востока» [27. Л. 9].

На станцию Оловянная для встречи с Р. Гайдой и А.Н. Пепеляевым сначала приехал представитель атамана Г.М. Семенова полковник Афанасьев. По словам участника «Восточного похода» А.А. Кирилова, Афанасьев «вёл переговоры весьма неопределённо и, казалось, что-то недоговаривал». Русские и чехословацкие военачальники провели экстренное заседание военного совета, по итогам которого «Афанасьеву было предложено передать атаману Семенову, что если он не признает Сибирского правительства, то против него немедленно будут открыты боевые действия, причём был дан срок до 12 час. следующего дня» [33. С. 56]. Не дожидаясь окончания срока ультиматума, атаман Г.М. Семенов сам явился в штаб и заявил о своей готовности подчиниться Временному Сибирскому правительству, сопроводив, правда, это согласие просьбой о признании со стороны правительства его атаманства и о производстве его в полковники [Там же].

5 сентября со станции Оловянная в Совет министров в Омск ушла телеграмма за подписями

А.Н. Пепеляева и Г.М. Семенова, в которой сообщалось: «Дружески встретились войска Временного Сибирского правительства и атамана Семенова. Достигнуто полное соглашение. Атаман Семенов признаёт власть Сибирского правительства и ему подчиняется. Я предлагаю атаману Семенову формировать штаб Приамурского военного округа [и] Приамурский корпус [в] составе одной пешей, одной конной казачьей дивизии. Прошу одобрить мои действия и утвердить атамана Семенова в должности комкор[а] Приамурского» [34. Л. 304].

Вскоре на станции Борзя состоялась встреча Р. Гайды, А.Н. Пепеляева и обер-квартирмейстера штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса подполковника А.С. Кононова с генералом Д.Л. Хорватом, который также выразил готовность подчиниться Временному Сибирскому правительству [35. С. 255]. Затем А.Н. Пепеляев принял участие во встрече с японским генералом Муто. В воспоминаниях А.А. Кирилова последний назван главнокомандующим японскими экспедиционными войсками на Дальнем Востоке. В действительности генерал-майор Муто возглавлял в тот период японскую военную миссию в Харбине. Фактически она имела статус головного органа японской разведки на Дальнем Востоке [36. С. 76]. Во время этой встречи А.Н. Пепеляев, по словам А.А. Кирилова, «категорически настоял на невозможности дальнейшего продвижения японских войск на территорию Сибири и открыто высказал мысль, что это будет нарушением русского суверенитета, хотя японцы были очень настойчивы» [33. С. 57].

6 сентября состоялся разговор по прямому проводу одного из наиболее приближенных к А.Н. Пепеляеву военачальников – командира 1-й Сибирской стрелковой дивизии генерала Е.К. Вишневого с председателем Совета министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодским. Генерал проинформировал премьера о том, что «все притязания на власть окончательно устранены. Всюду проводится власть правительства, возглавляемого Вами» [25. Л. 99].

Участие во встречах с атаманом Г.М. Семеновым, генералом Д.Л. Хорватом и японским генералом Муто свидетельствовало о постепенном втягивании А.Н. Пепеляева в политику. И хотя в этой сфере он, будучи боевым офицером, ориентировался слабо, тем не менее, действовал в тот период вполне в русле общей политической линии Временного Сибирского правительства и указаний командующего Сибирской армией. Судя по сохранившимся архивным документам, А.Н. Пепеляев получал необходимую, в том числе конфиденциальную, информацию, касавшуюся выстраивания линии своих взаимоотношений с атаманом Семеновым и Д.Л. Хорватом. Такого рода информацией его мог снабжать помощник начальника Иркутского военного округа, эсер, подпоручик Н.С. Калашников, которому А.Н. Гришин-Алмазов ещё 11 августа 1918 г. подписал удостоверение, согласно которым тому поручалось от имени командующего Сибирской армией вести переговоры с есаулом Г.М. Семеновым и с генералом Д.Л. Хорватом. Получив эти документы, 22 августа Н.С. Калаш-

ников выехал из Иркутска в штаб Восточного фронта. «Впредь обо всём сообщайте полковнику Пепеляеву. У меня от него не может быть секретов», – инструктировал А.Н. Гришин-Алмазов Н.С. Калашников [37. Л. 3, 4, 8, 9, 18].

Во время пребывания А.Н. Пепеляева в Забайкалье произошла смена военного руководства Белой Сибири. В результате разразившегося в Омске правительственного кризиса 5 сентября 1918 г. был уволен управляющий военным министерством, командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов. Вместо него в тот же день был назначен генерал П.П. Иванов-Ринов, занимавший ранее должность командира 2-го Степного Сибирского корпуса. О произведённой замене омские власти немедленно уведомили командование Восточного фронта и 1-го Средне-Сибирского корпуса. На другой же день по прямому проводу с Забайкальем связался сам П.В. Вологодский. В разговоре с ним генерал Е.К. Вишневецкий заверил премьера: «Увольнение генерала Гришина-Алмазова считаем целесообразным, необходимым», но вместе с тем добавил: «Полагаем также впредь командование армией должно быть отделено от управления военного министерства. Вредно для дела сосредоточить это в одних руках» [25. Л. 99].

Одновременно А.Н. Пепеляев обратился в Совет министров Временного Сибирского правительства с ходатайством о назначении на должность главнокомандующего сибирскими и чехословацкими войсками на территории Сибири только что произведённого в генерал-майоры Р. Гайды с подчинением его Временному Сибирскому правительству. П.В. Вологодский провёл переговоры по прямому проводу с Р. Гайдой, который также высказался за необходимость своего назначения командующим соединёнными силами чехосибирских войск «в целях установления единства представительства перед союзными войсками». 6 сентября Совет министров на своём заседании постановил: «Признать необходимым, в целях представительства перед союзными войсками, установление единства командования соединёнными силами чехосибирских войск, действующих на востоке. Разрешение вопроса о назначении на означенную должность полк. Гайды отложить до сношения и выяснения этого вопроса с управляющим военным министерством» [38. С. 325]. Тогда же была послана на ст. Борзя телеграмма А.Н. Пепеляеву за подписью П.В. Вологодского, в которой сообщалось решение Совета министров: «Совет министров не признал возможным разрешать вопрос о назначении генерала Гайды главнокомандующим войсками русскими и чехословацкими впредь до разрешения общего вопроса о распределении командования войсками Западного и Восточного фронтов на Уфимском совещании» [Там же. С. 764].

8 сентября Совет министров Временного Сибирского правительства, заслушав доклад П.В. Вологодского, постановил «послать телеграмму полковнику Пепеляеву с извещением, что назначение генерала

Гайды главнокомандующим войсками сибирскими [и] чехословацкими на территории Сибири с подчинением его Временному Сибирскому правительству невозможно до совещания в г. Уфе по созданию всероссийской власти, где должен разрешиться общий вопрос о разграничении командования Западным и Восточным фронтами». Одновременно было также решено послать А.Н. Пепеляеву телеграмму «с указанием не чинить препятствий к проходу союзных войск» [38. С. 345].

По итогам успешного «Восточного похода» А.Н. Пепеляев издал приказ: «После жестоких боёв под Мурино, Танхоем, Мысовой и Посольской, закончившихся полным поражением большевиков и мадьяр и очищением всего Забайкалья, войска Средне-Сибирского, совместно с чехословаками победно вступили в г. Читы. Жалкие остатки противника бежали на Амурскую ж.д. и Троицкосавск. От лица службы благодарю бойцов за беззаветную храбрость. Впереди нас ждёт победа, ибо, воодушевлённые любовью к Родине, мы не можем не победить. Благодарная, свободная Россия не забудет погибших сынов своих, покрывших себя славой на далёких полях Сибири» (цит. по: [20. С. 97]). Примерно в те же дни (конец августа – начало сентября 1918 г.) А.Н. Пепеляев издал приказ о выделении 10 тыс. руб. «на устройство монумента на берегу Байкала в память погибших героев офицеров и добровольцев 1-го Средне-Сибирского корпуса и чехословаков» [39. 8 сент.].

23 августа 1918 г. под председательством командующего войсками Восточного фронта Р. Гайды при участии А.Н. Пепеляева, других русских и чехословацких офицеров при штабе фронта в г. Верхнеудинске состоялось собрание Георгиевской думы, принявшей решение о награждении орденом Св. Георгия 3-й и 4-й степеней «за подвиги, оказанные с 20 июля по 20 августа» ряда русских и чехословацких офицеров. Это решение было самостоятельным, без санкции со стороны высшего командования. Среди награждённых 3-й степенью ордена оказался и полковник А.Н. Пепеляев [1. С. 183].

«Восточный поход» А.Н. Пепеляева от Томска и Новониколаевска до Забайкалья во главе Средне-Сибирского корпуса завершился полным разгромом красногвардейских и красноармейских формирований и ликвидацией советской власти на территории Восточной Сибири. Успех этого похода во многом был обусловлен умелым командованием, использованием знаний и боевого опыта, приобретённого А.Н. Пепеляевым на фронте Первой мировой войны, его личным героизмом, высоким авторитетом среди солдат и офицеров. За успешные боевые действия приказом по Сибирской армии от 10 сентября 1918 г. А.Н. Пепеляев был произведён в генерал-майоры [40. С. 158]. В результате двадцатисемилетний Анатолий Пепеляев стал одним из самых молодых генералов в антибольшевистских вооружённых формированиях периода Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 610 с.
2. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 58.

3. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 1.
4. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 130.
5. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
6. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966.
7. Елисеенко А. Красноярский переворот. Свержение большевизма в июне 1918 года // Сибирский исторический альманах. Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск, 2011.
8. Познанский В.С. Очерки истории вооружённой борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973.
9. Елисеенко А. Конец «плавающей республики». Речной бой на Енисее в июле 1918 года // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010.
10. Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009.
11. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 16.
12. Сибирский курьер (Иркутск). 1918.
13. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918.
14. Журавлев В.В. О наградной системе антибольшевистских режимов востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) / В.В. Журавлев, Д.Г. Симонов // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны: сибирская специфика : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2014.
15. Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2002. № 10.
16. Государственный архив Томской области. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 213.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 151. Оп. 1. Д. 7.
18. Новиков П.А. Борис Федорович Ушаков: штрихи к портрету // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1999. № 6.
19. Памяти героя // Сибирская речь (Омск). 1919. 12 янв.
20. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.
21. ГА РФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2.
22. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 160.
23. ГА РФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1.
24. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45.
25. ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6.
26. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 19.
27. РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 1.
28. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 16.
29. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 161.
30. Голос народа (Томск). 1918.
31. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994.
32. Камбалин А.И. Десантная операция у Посольского монастыря на озере Байкал и бои у станции Посольской 14–20 августа 1918 года // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2009. № 17.
33. Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. Вып. IV.
34. ГА РФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1.
35. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Кн. 1.
36. Полутов А.В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2012. № 4.
37. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 30.
38. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. докл. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Сова, 2007.
39. Свободный край (Иркутск). 1918.
40. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2016 г.

FROM CAPTAINS TO GENERALS IN 100 DAYS (“THE EASTERN MARCH” OF A.N. PEPELIAEV)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 105–114.

DOI: 10.17223/15617793/407/17

Larkov Nikolay S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

Keywords: General A.N. Pepeliaev; Tomsk; Siberia; Civil War; 1918.

The article explores the military activity of one of the youngest generals of the Russian Civil War Anatoly Pepeliaev in the summer – early autumn of 1918. This topic has not been properly discussed in the historical literature. This research is primarily based on archival documents, many of which are introduced into scientific use for the first time. In the spring of 1918, Captain A.N. Pepeliaev was one of the leaders of the anti-Soviet armed underground in Tomsk. After the successful Bolshevik Uprising, he took the leadership of Tomsk division on June 2, 1918, and a week and a half later he took command of the Central Siberian corps within the Western Siberian (later Siberian) Army. In the second half of June 1918, executing the directive of the Army Commander, Pepeliaev's corps went into an offensive along the Trans-Siberian Railway against the main armed forces of the Bolsheviks that they had in Eastern Siberia. In the Eastern March, Pepeliaev's corps joined forces with parts of the Czechoslovak Legion headed by Colonel R. Gajda. However, it was soldiers and officers of the Central Siberian corps that played the decisive role in the conclusive battles against the Soviet troops near Lake Baikal and in Transbaikalia. A.N. Pepeliaev participated in its reinforcement that was done through an influx of officers and volunteers as well as through mobilization of urban intelligentsia. In spite of the battle losses, the number of military personnel in the corps increased from 2,403 to 5,428. Moreover, 72.6 % of the military personnel in the troops at the forefront of the offensive were officers. During the Eastern March, A.N. Pepeliaev participated in the decision-making on political questions. He had to repair relations with the representatives of the foreign countries – with the consuls general of France and of the USA in Irkutsk. In Transbaikalia, together with R. Gajda, he neutralized the separatist intentions of Hetman G.M. Semenov and General D.L. Khorvat, who eventually agreed to recognize the Provisional Siberian Government. At his meeting with Japanese General Mutō, A.N. Pepeliaev expressed strong dissent against further progress of the Japanese troops into Siberia, stating that it would lead to a violation of Russia's sovereignty. At that moment, the political heterogeneity of the White movement was one of the factors that led

to denunciations to the War Minister of the Provincial Siberian Government A.N. Grishin–Almazov. These denunciations falsely accused A.N. Pepeliaev of disloyalty to the Siberian Government, of ambitions to create the Party of Military Dictatorship. Nevertheless, in his private letter, the minister confirmed his full trust to Pepeliaev. The Eastern March in which A.N. Pepeliaev led the Central Siberian corps from Tomsk and Novonikolaevsk to Transbaikalia ended in a complete defeat of the Red Guard and the Red Army troops and in a collapse of the Soviet power in Eastern Siberia. To a large extent, it was managed due to skillful generalship, use of knowledge and experience that Pepeliaev had gained on the fronts of the First World War, his heroism and his high authority among soldiers and officers. Due to his successful actions Pepeliaev was made a Colonel on July 2, 1918 by a decree of the Siberian Army; on September 10, 1918 he became a Major General. By that time he had only turned 27.

REFERENCES

1. Simonov, D.G. (2010) *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [The White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 58. (In Russian).
3. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 1. (In Russian).
4. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 40307. List 1. File 130. (In Russian).
5. *Sibirskaya zhizn'*. 1918.
6. Eykhe, G.Kh. (1966) *Oprokinutyi tyl* [The inverted rear]. Moscow: Voennoe Izdatel'stvo MO SSSR.
7. Eliseenko, A. (2011) Krasnoyarskiy perevorot. Sverzhenie bol'shevizma v iyune 1918 goda [The Krasnoyarsk coup. The overthrow of Bolshevism in June 1918]. In: Kleshko, A.M. et al. (eds) *Sibirskiy istoricheskiy al'manakh* [Siberian historical almanac]. Vol. 2. Krasnoyarsk: Verso.
8. Poznanskiy, V.S. (1973) *Ocherki istorii vooruzhennoy bor'by sovetov Sibiri s kontrrevolyutsiyey v 1917–1918 gg.* [Essays on the history of the armed struggle of Siberia Soviets against counter-revolution in 1917–1918]. Novosibirsk: Nauka.
9. Eliseenko, A. (2010) Konets "plavuchey respubliki". Rechnoy boy na Enisee v iyule 1918 goda [The end of the "Floating Republic". A river fight on the Yenisei in July 1918]. In: Eliseenko, A.G. et al. (eds) *Sibirskiy istoricheskiy al'manakh* [Siberian historical almanac]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Znak.
10. Shishkin, V.I. (2009) Komanduyushchiy Sibirskoy armiyey A.N. Grishin–Almazov: shtrikhi k portretu [The commander of the Siberian Army A.N. Grishin–Almazov: finishing touches to the portrait]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Kontrrevolyutsiya na vostokey Rossii v period Grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.)* [The counter-revolution in the east of Russia during the Civil War (1918–1919)]. Novosibirsk.
11. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 16. (In Russian).
12. *Sibirskiy kur'er*. (1918).
13. *Narodnaya Sibir'*. (1918).
14. Zhuravlev, V.V. & Simonov, D.G. (2014) O nagradnoy sisteme antibol'shevistskikh rezhimov vostoka Rossii (seredina 1918 – nachalo 1920 g.) [On the award system of anti-Bolshevik regimes of Eastern Russia (mid-1918 – early 1920)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Transformatsiya rossiyskoy politicheskoy sistemy v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: sibirskaya spetsifika* [Transformation of the Russian political system during the period of the Revolution and the Civil War: Siberian specifics]. Novosibirsk: Parallel'.
15. *Belaya armiya. Beloe delo*. (2002). 10.
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 1362. List 1. File 213. (In Russian).
17. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 151. List 1. File 7. (In Russian).
18. Novikov, P.A. (1999) Boris Fedorovich Ushakov: shtrikhi k portretu [Boris Fedorovich Ushakov: touches to the portrait]. *Belaya armiya. Beloe delo*. 6.
19. *Sibirskaya rech'*. (1919) Pamyati geroya [In Memory of the Hero]. *Sibirskaya rech'*. 12 January.
20. Novikov, P.A. (2005) *Grazhdanskaya voyna v Vostochnoy Sibiri* [The Civil War in Eastern Siberia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
21. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 170. List 1. File 2. (In Russian).
22. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 160. (In Russian).
23. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 170. List 1. File 1. (In Russian).
24. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 45. (In Russian).
25. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 193. List 1. File 6. (In Russian).
26. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 19. (In Russian).
27. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39504. List 1. File 1. (In Russian).
28. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 16. (In Russian).
29. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 161. (In Russian).
30. *Golos naroda*. (1918).
31. Romanov, N.S. (1994) *Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924 gg.* [Annals of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
32. Kambalin, A.I. (2009) Desantnaya operatsiya u Posol'skogo monastyraya na ozere Baykal i boi u stantsii Posol'skoy 14–20 avgusta 1918 goda [The landing operation at the Posolsky monastery on Lake Baikal and the battles at the station Posolskaya on 14–20 August 1918]. *Belaya armiya. Beloe delo*. 17.
33. Kirilov, A.A. (1928) *Sibirskaya armiya v bor'be za osvobodzhenie* [Siberian Army in the struggle for liberation]. *Vol'naya Sibir'*. IV.
34. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 176. List 1. File 1. (In Russian).
35. Mel'gunov, S.P. (2004) *Tragediya admirala Kolchaka* [The tragedy of Admiral Kolchak]. Vol. 1. Moscow: Ayris-press.
36. Polutov, A.V. (2012) Japanese military missions in Manchuria, Siberia and Russian Far East during 1918–1922. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN – Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 4. pp. 71–84. (In Russian).
37. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 30. (In Russian).
38. Shishkin, V.I. (ed.) (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)* [Provisional Siberian Government (26 May – 3 November 1918)]. Novosibirsk: Sova.
39. *Svobodnyy kray*. (1918).
40. Volkov, E.V., Egorov, N.D., Kuptsov, I.V. (2003) *Belye generaly Vostochnogo fronta Grazhdanskoy voyny: Biograficheskiy spravochnik* [The White generals of the Eastern Front of the Civil War: Biographical Directory]. Moscow: Russkiy put'.

Received: 18 April 2016